

Денис Лунин

Федоринагоре

Денис Лунин Федоринагоре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70606627

SelfPub; 2024

Аннотация

Тема травли в школе раскрывается с неожиданной стороны. На ночь лучше не читать. Но если будет не страшно, значит будет стыдно. И немножечко больно.

Денис Лунин

Федоринагоре

Суд присяжных из двадцати семи человек под предводительством Маргариты Юрьевны вынес приговор без права на помилование, на первом же заседании, когда новенькая зашла в класс в стоптанных ботинках на вырост и в колхозном платье в горошек, как дурочка с переулочка. Вдобавок, это сутулое замызганное недоразумение с непромытой головой, это прыщавое чудо с пучком, дерзнуло перебить и поправить учительницу. Которая, возможно, и правда ошиблась с датой рождения писателя, чего никто бы не заметил. Теперь всем стало неловко за свою классную руководительницу, которая чуть не лопнула от злости, но сдержалась и в наступившей тишине, раздался её холодный голос:

– Федорина к доске, – сказала учительница, целясь из под очков в последнюю парту первого ряда. Щелчком красной ручки сняла предохранитель.

Осуждённая подняла с пола белую тряпку, чихнув от меловой завесы.

– Федоринагоре! – выстрелом в висок приговор учительницы приведён в исполнение.

Поднялся такой гогот, что обернулись бегающие дети за окном, и долго ещё класс не утихал.

Теперь никто не назовёт её иначе.

Если ад это другие, то рядом с затравленным ребёнком ваши демоны – божики коровки на былинках у стены пожирающего пламени.

Заглянуть Федориной в глаза, когда над ней уставали смеяться – это как слечь с ангиной, охваченный жаром, и смотреть на старый советский ковер, горящий багровым пожаром. Там таких закрученных в спирали чудовищ отыщешь – страшно даже покоситься в его сторону. Но ещё страшнее поворачиваться к такому ковру спиной. А чтобы проверить, насколько глубока кроличья нора, не обойтись без чудесной похлёбки от Бабушки Софы.

Кто знает Софу, тот перестанет читать дальше, ибо столкнувшись с ней однажды, всю оставшуюся жизнь будет стараться о ней не вспоминать.

Для того, кто ещё не в курсе. Бабушка Софа не гадает на кофейной гуще. Бабушка Софа цедит по капле своё безумное чёрное варево прямо под твои непорочные веки, лишая кожаные мешочки невинности. Чтобы твои глаза увидели будущее даже без твоего участия. Даже если вынуть их из тебя, они продолжают видеть. Даже если это будущее находится по ту сторону от твоего существования, они продолжают видеть. Даже если твои веки накрыты медными монетами, и сквозь щели в них пробиваются блики жгучего пламени, они продолжают видеть. Например, прямо сейчас, так видят глаза Маргариты Юрьевны. Пока она лежит прибитая кольями к учительскому столу. И не слышит собственного крика,

потому что черная гуща, вытекающая из её ушей, закипает перед этим у неё в голове. А Федоринагоре смеется и закрывает дверь в учительскую, в тот момент, когда на Риту, вернувшуюся в тело маленькой затравленной девочки, падает горящая занавеска...

А потому что не нужно было проходить мимо, когда одноклассники зажали Федорину после уроков в раздевалке, выбив из руки бутылку колы: «Федоринагоре, Федоринагоре!» – закружился вокруг девочки пыточный хоровод.

Разувшись и скинув носки, ребята по очереди потрогали босыми ногами её сморщенные от стыда, поношенные ботиночки – каждый похлопал по ним голой бесстыжей подошвой. И только Павлик не разувался и не трогал. Потому что ему понравилась Федорина. Павлик побоялся признаться в этом даже себе, но гораздо больше он боялся осуждения одноклассников.

После недолгих насмешек и тычков, ребята все таки заставили Павлика снять свою обувь. Они разули и Федорину. И тогда принялись уговаривать Павлика попрыгать босыми ногами на старых ботиночках перед девичьими озябшими ножками. Павлик долго настраивался, хотел уже передумать, но зажмурился и запрыгал.

Вдруг, заревел от нахлынувшего возбуждения, прося у рыдающей Федориной прощение с каждым резким прыжком, но скакать не переставал, и прыгал всё быстрее, пока его глаза не закатились и он не задергался в конвульсиях, за-

ливая растоптанные Федорины ботинки пеной из бутылки с колой под голыми подошвами.

Теперь же, когда холодные тела одноклассников висели без ног на вешалке, как тушки гигантских опарышей в холодильнике бабушки Софы, Федорина жалела Павлика. Потому что он забился в угол от страха, закрыл уши, зажмурился и тихонько запел матершиную песню, чтобы проснуться. Он считал, что прекрасно разбирается в кошмарах и пошлая песня его спасёт. Только лужи кипящей гущи под телами Федориных одноклассников шипели его песню в обратную сторону, чтобы увести Павлика туда, откуда он больше никогда не вернётся.

Туда, где правит балом Федоринагоре. А погружает в вещий сон и пробуждает от жизни, её бабушка Софа, которая вернула рыдающую девочку с Киевского вокзала, когда она собралась уехать в Америку, «где живут мои богатые папа и мама, но не могут меня забрать из-за всех этих санкций, а так бы обязательно за мной приехали, и скоро точно меня найдут, и тогда я улечу далеко-далеко отсюда на частном самолете и буду учиться только дома».

Если тебе повезёт, ты с жадным всхлипом вынырнешь из забытья, а твои кипящие от ужаса чёрные зрачки расширятся до предела и растекутся дальше, заливая белки до чёрных струек, стекающих по щекам. Но это будет не конец, это будет только начало. Ведь чёрная пелена постепенно спадёт и ты снова вернёшься к своим ежедневным заботам. И лишь

через много лет, ты вспомнишь, что шепчет тебе Федоринагоре каждый раз перед твоим резким пробуждением посреди душевной ночи. И тогда, внезапно осознав, каждое Федоринагориное слово, ты больше никогда не поднимешься с кровати, чтобы умыться или побриться. Потому что тебя придавит и больше никогда не отпустит сгустившаяся над тобой чёрная безысходность.

Федоринагоре знает о ней слишком много. И приходит каждую ночь, чтобы поделиться этим знанием с искушенными потребителями чёрной гущи бабушки Софы. А если долго игнорировать Федоринагоре, однажды она проявится в узоре на твоём советском ковре. И ты больше никогда не повернёшься к нему спиной.

Если ты собрался в пятницу на встречу выпускников, подумай о том, что кто-то может начертить козу из бабушкиной чёрной гущи на твоём счастливом лице в альбоме школьных фотографий, чтобы позвать на праздник Федоринагоре.

И тогда тебя не спасёт ни одна матершинная песенка, которую ты знаешь. А над твоим телом, придавленным чёрной безысходностью, поднимется пылающее входящее сообщение: «Как же я вас всех ненавижу».